

12. Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. – М.: изд-во ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина. 1990. – 72 с.
13. Срезневский И. И. Записка о словаре малорусского наречия, составленном А. Афанасьевым // Изв. АН, отд. рус. яз. и словесн. Т. 3, вып. 5. – 1854. – С. 199-204.
14. Стернин И.А. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Сб. научных трудов. – Воронеж, 2001. – С. 58–61.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4-х тт. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей. 1934-1940.
16. Толстой Н. И., Толстая С. М. Д. К. Зеленин – диалектолог // Проблемы славянской этнографии. – Л.: Наука, 1979. – С. 68-74.
17. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 320 с.

УДК 801.161.1'367

Игорь Меньшиков
(Днепропетровск)

СОГЛАСОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

У статті узгодження як один із типів підрядного синтаксичного зв'язку протиставляється уподібненню як засобу реалізації та маркування неієрархічних відношень між компонентами мовленнєвих ланцюгів. Описана сфера функціонування уподібнення у різних синтаксичних конструкціях.

Ключові слова: підрядний зв'язок, узгодження, позасистемні синтаксичні зв'язки, уподібнення, синтаксичне й семантичне уподібнення.

In suggested article the agreement, as one of the types of subordinate syntactic connection is given as the opposite one to assimilation as mean of realization and marking of not hierarchical relations between components of speech clusters. The sphere of functioning of assimilation in different syntactic constructions is described.

Key words: subordinate connection, agreement, extrasystem syntactic connection, assimilation, syntactic and semantic assimilation.

В целом ряде справочных лексикографических изданий, касающихся лингвистической терминологии, такие понятия, как согласование и уподобление, не всегда чётко противопоставлены друг другу, а слова, обозначающие эти понятия, в особенности второе из них, до сих пор не соотносятся со сколько-нибудь полной номенклатурой соответствующих синтаксических фигур. Более того, некоторые лингвисты вообще считают возможным квалифицировать согласование и уподобление (с теми или иными детерминантами этих терминов) в качестве синонимов. Так, в самом, пожалуй, популярном Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой читаем:

Уподобление грамматическое. *То же, что согласование.* И ниже:

Уподобление синтаксическое. *То же, что согласование неполное* [1, с. 486]. Сам же термин *согласование* вводится в словарь с уточнением в скобках: *грамматическое уподобление* [1, с. 437].

А. М. Ломов термину *согласование* с некоторыми, правда, оговорками ставит в соответствие ещё и такую дефиницию: *уподобление сказуемого подлежащему в двусоставных предложениях по общим грамматическим значениям* [5, с. 349].

Первая из приведенных словарных статей словаря О. С. Ахмановой просто дублируется и в Базовом словаре лингвистических терминов [12, с. 149]. Однако большинство лингвистов связывают рассматриваемые нами понятия с принципиально разными лингвистическими явлениями, о чём, в частности, прямо пишет И. С. Попова,

квалифицируя в самом общем виде согласование как совершенно конкретный тип подчинительной синтаксической связи, а уподобление – как способ реализации разных типов синтаксических связей, как системных, в том числе и связи сочинительной, так и внесистемных [8, с. 234].

Что касается согласования как одного из видов подчинительной связи, то особых проблем при лексикографическом во всяком случае дефинировании соответствующего термина не возникает. Можно, правда, говорить о каких-то частностях относительно, скажем, того, что именно происходит при согласовании: **уподобляется** ли зависимый компонент главному по некоторым общим для них грамматическим значениям [5, с. 348], **ставится** ли зависимое слово в той же форме, что и главное [11, с. 600], **предопределяются** ли формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени формами рода, числа и падежа подчиняющего имени [2, с. 488], **требует** ли главное слово постановки зависимого слова в тех же (всех или некоторых) грамматических формах, в которых выступает главное [10, с. 319], **обуславливается** ли выбор грамматической формы зависимого слова грамматическими формами опорного [13, с. 644] и т. д. Можно принимать или не принимать как нечто абсолютное три декларированных Н. Ю. Шведовой варианта сочетаемости тех грамматических категорий, в рамках которых при согласовании осуществляется уподобление формы зависимого слова форме главного, а именно: 1) в роде, числе и падеже, 2) в числе и падеже, 3) только в падеже [9, с. 20]. Можно, наконец, поставить под сомнение и степень адекватности отдельных утверждений, касающихся каких-то особых случаев согласования или, скажем, различного рода колебаний в этой области. Однако вне дискуссий остаётся толкование сути согласования именно как подчинительной связи, при которой осуществляется уподобление формы зависимого слова форме главного в тех или иных общих для этих слов грамматических категориях.

С уподоблением как одним из способов реализации разных типов синтаксической связи и средств её формальной маркировки дело обстоит несколько сложнее, и не столько потому, что уподобление словоформ имеет место при самых разных, в том числе и при неиерархических семантико-грамматических отношениях между компонентами речевой цепи, сколько потому, что проявлять себя такого рода неиерархические отношения в русском языке могут самым различным способом и между компонентами самых разных синтаксических конструкций.

О двух грамматических явлениях, связанных с уподоблением формы одного слова форме другого, но по существу не представляющих собой согласования как одного из видов подчинительной связи: о "согласовании" подлежащего со сказуемым и о "согласовании" приложения с определяемым им существительным, – говорится довольно часто, в том числе и в справочно-лексикографических изданиях. Что касается синтаксической связи между подлежащим и сказуемым, то можно встретить и уже знакомую нам по А. М. Ломову прямую декларацию типа *согласование служит для связи подлежащего и сказуемого* [3, с. 200], и менее категоричные суждения, не идентифицирующие согласование и уподобление в предикативной основе двусоставного предложения, а лишь указывающие, что **иногда** как согласование квалифицируется формальное уподобление главных членов двусоставного предложения [4, с. 479] или что **нередко** согласование соотносится с отношениями между подлежащим и сказуемым [13, с. 644]. Есть, как известно, для такого рода синтаксической связи и специальный термин – **координация** [6, с. 163; 11, с. 265; 13, с. 253], снимающий в данном случае различного рода оговорки относительно и согласования, и уподобления.

Разная степень категоричности у лингвистов и при квалификации в качестве согласования синтаксической связи в конструкциях с приложением, компоненты которых уподобляют друг другу свои грамматические формы. Как правило, в таких конструкциях тоже усматривается какой-то особый вид согласования [2, с. 488; 9, с. 57–58] и даже предлагаются свои термины – *взаимосогласование* [10, с. 320] и *корреляция* [7, с. 10; 8, с. 248], обращение к которым не предполагает обязательной односторонней синтаксической иерархии, тем более что и уподобления форм лексических компонентов в аппозитивных

конструкциях, таких, например, конструкциях, как *в городе Старые Дороги*, а тем более в наименованиях типа *Море Лаптевых* или *Берег Слоновой Кости*, вообще может не быть ни в роде, ни в числе, ни в падеже.

В плане выражения синтаксическое согласование и синтаксическое уподобление имеют много общего и могут быть противопоставлены, конечно же, не только в предикативной основе предложения или в конструкциях с приложением. В различного рода изданиях есть немало суждений о неиерархическом уподоблении форм слов и в целом ряде других синтаксических фигурах. Так, И. Р. Выхованец обращает внимание на синтаксическую связанность определённого класса обращений, занимающих позицию подлежащего, со сказуемыми в предложениях типа *Хлопец, спой* и *Хлопцы, спойте* [13, с. 185], и выражается эта связанность уподоблением форм соответствующих слов. Уподобление, по О. С. Ахмановой, является одним из дифференциальных признаков вставного предложения (*Этот человек – он оказался старым другом моего отца – приехал поздно ночью*), отличающих его от предложения вводного, не связанного грамматически ни с одним членом основного предложения (*Вечор, ты помнишь, вьюга злилась*) [1, с. 72, 89]. Никакого подчинения при этом, естественно, нет.

Аналогичная ситуация и в сложном синтаксическом целом, когда в каком-то последующем предложении могут находиться слова, уподобляющие свои формы формам определённых слов из предыдущих предложений, особенно в сверхфразовых единствах смешанного строя и при цепной местоимённой связи (... *Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около её босых ног стояли хрустальные тупельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом...*) [5, с. 330].

Очень убедительную, на наш взгляд, модель возможности и даже необходимости уподобления формы одного слова форме другого при сочинительной связи, т.е. без наличия между этими словами согласования как одного из видов подчинительных отношения, показывает И. С. Попова [8, с. 234]. По этой модели построено такое, например, предложение, как *Принеси мне стакан, маме чашку и блюдо, а бабушке её любимую кружку*, которое может быть правильно понято только при фактическом уподоблении его однородных членов, как минимум, в их падежных формах. О согласовании как подчинительной связи говорить при этом не следует, поскольку такой связи между словоформами *мне, маме, бабушке*, с одной стороны, и словоформами *стакан, чашку и блюдо, кружку*, с другой стороны, просто нет. Однородные члены предложения связаны сочинительными отношениями.

Вполне определённо противопоставлены согласование и уподобление как явления различных планов во многих конструкциях с нестандартными синтаксическими (внесистемными) синтаксическими связями, например при расчленении, когда некоторый компонент высказывания подчиняется какому-то одному слову предложения, а уподобляет свою форму другому [7, с. 16–18], как это имеет место, например, в следующих предложениях:

Мой друг выглядит уставшим. / Моя подруга выглядит уставшей.

Я бы не назвал его умным. / Я бы не назвал её умной. / Я бы не назвал их умными.

Дом, в котором мы жили совсем развалился. / Хата, в которой мы жили, совсем развалилась.

Подчиняются выделенные слова глаголам *выглядит, назвал* и *жили*, а свою форму рода, а в некоторых случаях и числа уподобляют соответственно существительным *друг* и *подруга*, местоимениям *его, её* и *их*, существительным *дом* и *хата*.

Такой же по своей сути, что и в третьем из только что приведенных примеров, характер синтаксических отношений довольно часто реализуется в сложных местоимённо-соотносительных предложениях с тандемными скрепами типа *тот, который; та, которая; то, которое; те, которые*.

Возможна в русском языке и такая ситуация, при которой форма слова, расположенного на каком-то одном иерархическом уровне, может уподобиться форме такого

слова, которое находится уровнем или даже несколькими уровнями ниже. Например: *Один из наших студентов стал призёром Олимпийских игр* и *Одна из наших студенток стала призёром Олимпийских игр*. Слова *один* и *одна* синтаксически доминируют над словами *студент* и *студентка*, но не определяют их формы, как это должно было бы быть при согласовании как подчинительной связи, а наоборот – уподобляются им в роде и числе. Здесь можно, по-видимому, говорить о реализации обратной иерархии.

Уподобление как некая обусловленность формы слова теми или иными факторами, в том числе и конкретной коммуникативной ситуацией, может даже выходить за рамки собственно синтаксических отношений. Так, например, наличие в некотором предложении наречия с указанием на время действия (*сегодня, вчера, завтра* и т. п.), а также каких-либо иных жёстких маркеров реального времени (*в прошлом году, на будущей неделе* и т. п.) определяет не только темпоральную логику соответствующего высказывания, но и степень полноты его парадигмы. Возможно, разумеется, что-нибудь вроде *Сегодня мы идем в театр; Сегодня мы пойдём в театр; Сегодня мы ходили в театр* и даже *Идём мы вчера в театр и вдруг видим такую картину...* Однако есть и своего рода табу: *Вчера мы пойдём в театр; Ходили мы завтра в театр; Ездили мы в будущем году на Кавказ* и т. п. Грамматическая форма времени сказуемого в последних трёх примерах должна соответствовать лексическому значению сопутствующего этому сказуемому обстоятельства. И такое соответствие следует, очевидно, квалифицировать только как уподобление, причём уподобление особого рода: с обратной иерархией и отсутствием общей категориальной базы, обуславливающей выбор той или иной грамматической формы.

И в заключение ещё одна коммуникативная ситуация. В таком сверхфразовом единстве, как, например, *Осенью мы жили в деревне, далеко от города. Хорошо помню вереницу домов по обеим сторонам небольшой речушки и уток на ней, то ли домашних, то ли диких*, нет никаких лексических средств связи входящих в него предложений и ничто ни с чем не согласуется. Но формально эти предложения, коль скоро они представляют собой сложное синтаксическое целое, всё же связаны, и связаны они только уподоблением формы слова *помню* форме слова *мы*, причём уподоблением лишь по одному общему для этих слов категориальному параметру – первому лицу местоимения *мы* и глагола *помню*. И это опять же не согласование, а именно уподобление.

Таким образом, согласование и уподобление – это не только грамматические явления двух разных планов: характера синтаксической связи и способа её маркировки, – но и синтаксические конструкты со своей функциональной спецификой. И если согласование конкретизирует только какой-то один комплекс подчинительных связей слов, то уподобление сводит в единую коммуникативно значимую и функционально детерминируемую систему самые разные семантико-грамматические отношения между компонентами тоже самых разных речевых цепей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
3. Кротевич Є. В. Словник лінгвістичних термінів / Є. В. Кротевич, Н.С.Родзевич. – К.: Вид-во АН УРСР, 1957. – 236 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
5. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М.: Восток-Запад, 2007. – 416 с.
6. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
7. Меньшиков И. И. Нестандартные синтаксические связи в современном русском языке / И. И. Меньшиков, И. И. Турута. – Д.: ДГУ, 1997. – 36 с.

8. Попова І. С. Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) / І. С. Попова. – Д.: Вид-во ДНУ, 2006. – 432 с.
9. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука. – Т.2: Синтаксис. – 710 с.
10. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
11. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.
12. Столярова Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К.: Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
13. Українська мова. Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К.: Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

УДК 81.42

Марина Вас. Пименова
(Владимир, Россия)

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Стаття присвячена класифікації стійких формул-синтагм (сінкрет), що представляють собою мінімальні одиниці давньоруського тексту.

Ключові слова: сінкретизм, формули-синтагми (сінкретем), метонімія, давньоруський текст.

The article focuses on the classification of stable formulas-syntagmas (sinkretem), representing minimum unit of ancient text.

Key words: syncretism, formula-syntagma (sinkretemy), metonymy, Old Russian text.

Необходимо отметить, что лингвисты уже с середины XIX в. обращают внимание на относительно устойчивые лексические единицы древнего текста, использующиеся при описании сходных ситуаций-ритуалов. Б.А. Ларин в работе 1956 г. "Очерки по фразеологии", намечающей системный диахронический подход к изучению устойчивых сочетаний, указывает, что "...в практике словарного дела уже давно (в России более трех столетий тому назад) приводятся и поясняются словосочетания с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов" [9, с. 129]. Однако если на синхронном уровне устойчивые сочетания (фразеологические единицы) изучены последовательно и основательно, имеются фундаментальные синхронные и ретроспективные историко-этимологические словари, то перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена: историки языка прослеживают развитие лишь отдельных устойчивых сочетаний древнего текста (и в лучшем случае до XVII в.), в современных продолжающихся толково-переводных исторических словарях (как и в историческом словаре И.И. Срезневского) подобные сочетания приводятся спорадически, не системно. Недостаточная разработанность перспективной линии изучения устойчивых сочетаний объясняется прежде всего тем, что, как отмечает В.М. Мокиенко, "ни в одном разделе языкознания, вероятно, синхрония не отграничивается от диахронии столь последовательно и непримиримо, как во фразеологии" [14, с. 21].

При изучении устойчивых сочетаний в средневековых текстах многие исследователи проводят параллели с современным фразеологическим составом языка, используя для их наименования термины *фразеологизм, фразеологическая единица, фразеологический оборот, фразема* и предлагая классификации, в основу которых чаще всего положен современный критерий степени семантической спаянности, или аналитичности, компонентов